Его руки обычно справлялись с повседневными делами без особых проблем, но стоило задействовать пальцы, как они странно обмякали, совершенно теряя силу.

— Что случилось? — Цзян Янь подошел ближе.

— Господин Цзян, похоже, этот парень когда-то серьезно повредил руки. Пальцы совершенно не слушаются, — нахмурившись, произнес Лю Юань.

— Ты повредил руки?

Цзян Янь перевел взгляд на Су Сяоюя, лицо его помрачнело.

— Я не знаю, — Су Сяоюй опустил голову. Он не мог вспомнить ничего из того, что было раньше, и не знал, случилась ли травма в тот период.

— Ты не знаешь? Как ты можешь не знать о том, что происходило с тобой самим? — Цзян Янь нахмурился, в его глазах вспыхнуло раздражение.

— Простите, — тихо прошептал Су Сяоюй.

— Благодарю вас, учитель Лю. Можете идти, — холодно бросил Цзян Янь.

Лю Юань, взглянув на лицо Цзян Яня, не посмел спорить. Он собрал вещи и ушел. Его выставили едва ли не сразу после прихода, и хотя он был возмущен, возражать не решился: с семьей Цзян лучше было не ссориться.

Цзян Янь подошел к Су Сяоюю, взял его за руку, осмотрел и тут же брезгливо отшвырнул:

— Бесполезный. Завтра отправишься в больницу на обследование.

Бросив эту фразу, он ушел. Казалось, он был в ярости.

Рука, ударившаяся о корпус пианино, ныла, но Су Сяоюй промолчал. Он лишь обхватил ладонь пальцами и молча смотрел на инструмент.

10. То, что стоит выбросить

Цзян Янь, по-видимому, придавал игре на пианино огромное значение, раз так разозлился.

Су Сяоюй сжимал свою руку, чувствуя себя ужасно подавленным. Как бы он ни пытался, он не

мог вспомнить ничего из своего прошлого — всё, что он пережил когда-то, превратилось в пустоту.

Цзян Янь назвал его бесполезным, и это была чистая правда — он даже не знал, была ли у него когда-то травма рук.

— Раз у тебя руки такие слабые, почему ты сразу не сказал? — голос Цзян Яня раздался из-за спины. Су Сяоюй обернулся и увидел, что тот стоит рядом с горой купленной одежды, глядя на пакеты разных размеров.

— Я нес их на запястьях. Мои запястья достаточно сильные, — улыбнулся Су Сяоюй.

Цзян Янь только сейчас вспомнил, что, когда брал его за руку, заметил на запястье, выглядывавшем из-под рукава, красные следы. Он помедлил и тихо скомандовал:

— Неси вещи наверх.

— Хорошо, — послушно отозвался Су Сяоюй. Он подошел к Цзян Яню и, как и прежде, начал развешивать пакеты на запястьях.

Пакетов было много, и вскоре его руки оказались полностью ими увешаны. Цзян Янь стоял рядом и наблюдал за этим.

— Давай сюда, — внезапно сказал он.

Су Сяоюй поднял голову, глядя в невозмутимые глаза Цзян Яня, и усомнился, не ослышался ли он.

— Давай сюда, — повторил Цзян Янь и протянул руку.

— Не нужно, я сам донесу, — Су Сяоюй поспешно поправил пакеты и глуповато улыбнулся.

При виде этой улыбки Цзян Янь замер на пару секунд, а затем резким движением вырвал пакеты из рук Су Сяоюя, едва не заставив того пошатнуться.

Су Сяоюй чуть не упал, но, восстановив равновесие, улыбнулся и поблагодарил его. Цзян Янь ничего не ответил и, нагруженный пакетами, зашагал вверх по лестнице.

Глядя на высокую, худощавую спину, Су Сяоюй вдруг поймал себя на мысли: А ведь Цзян Янь неплохой человек. И, по-глупому улыбаясь, поплелся следом.

— То, что на тебе сейчас надето, можешь выбросить, — сказал Цзян Янь, когда они вошли в комнату и он сгрузил вещи.

— Хорошо, — смущенно пробормотал Су Сяоюй, почесав затылок. Опустив взгляд, он увидел свои старые ботинки, которые на безупречно чистом полу казались грязными пятнами.

— Спускайся к ужину.

— Хорошо.

Когда Цзян Янь ушел, Су Сяоюй присел на край кровати. Его одежда была не только старой, но и не по размеру: когда он стоял, это было не так заметно, но стоило присесть, как рукава оказывались слишком короткими, обнажая запястья с красными следами.

Он не помнил, когда встретил старика. Говорят, когда он очнулся, то уже какое-то время был без сознания. Никаких воспоминаний, никаких зацепок, откуда он пришел.

Старик жил один, в бедности, но все равно приютил его. Правда, вскоре заболел. Су Сяоюй работал на трех работах, ухаживая за дедушкой, но даже так не мог скопить денег на новую одежду.

Оглядывая роскошную комнату, Су Сяоюй с грустью осознал, что он здесь — самое лишнее, что только можно представить. Один сегодняшний ужин Цзян Яня стоил столько, сколько им с дедушкой хватало на жизнь на долгое время, а для этих людей это был лишь обычный прием пищи, к которому они даже не проявили интереса.

Су Сяоюй посмотрел на гору пакетов — в них было все, от пальто до нижнего белья. Цзян Яня не устраивало в нем абсолютно всё. В этом доме, если что-то и нужно было выбросить, так это его самого.

11. Ты совсем не стараешься

После душа Су Сяоюй переоделся в обновки. Светлая одежда подчеркнула его мягкие черты, сделав его вид чистым и уютным. Свою старую одежду он постирал: то, что для Цзян Яня было мусором, для него было сокровищем. Это дедушка купил ему на последние деньги, отказывая себе во всем, и выбросить её он не мог.

Спустившись вниз, он увидел Цзян Яня на диване — тот, слегка наклонив голову, листал альбом с рисунками.

— Готов? — услышав шаги, Цзян Янь поднял голову.

И в тот же миг его глаза расширились, а рука, державшая альбом, непроизвольно сжалась.

Су Сяоюй шел к нему, улыбаясь, с миловидным бледным лицом и мягкими волосами, падающими на лоб. На нем был бежевый свитер, делавший его облик удивительно нежным.

— Да, я готов, — Су Сяоюй подошел к Цзян Яню и слегка улыбнулся, немного робея.

Взгляд Цзян Яня потух, он снова стал прежним. Похож, да, но не Су Лань. Су Лань никогда бы так не улыбнулся. Улыбка Су Ланя всегда была уверенной и спокойной, а не такой пугливой, как у этого парня.

— Ешь, — Цзян Янь закрыл альбом и подошел к столу, где уже стояло множество контейнеров с едой.

Су Сяоюй только сейчас заметил, что стол заставлен доставкой, среди которой были даже фрукты и десерты.

— Садись, — сказал Цзян Янь, опускаясь на диван. Он по-прежнему выглядел так, будто не желает ни с кем общаться, но тон стал чуть мягче.

Су Сяоюй не понимал, почему настроение Цзян Яня так нестабильно: холодный и спокойный снаружи, он мог вспылить из-за любой мелочи.

Су Сяоюй сел рядом и начал маленькими глотками пить кашу, стараясь не издавать ни звука. Цзян Янь, не замечая его беспокойства, небрежно ел, то и дело поглядывая на пирожное с кремом, к которому проявлял куда больше интереса, чем к основной еде.

— Почему не берешь закуски? — внезапно спросил Цзян Янь.

Су Сяоюй поднял голову и увидел, что тот пристально смотрит на его тарелку.

— Не нравится? — нахмурился Цзян Янь.

— Нет! Очень нравится! — Су Сяоюй поспешно затряс головой и, нервничая, принялся накладывать еду в тарелку.

— Нравится — ешь больше, — тихо сказал Цзян Янь, отводя взгляд.

После этого Су Сяоюй не смел больше отказываться. Он ел через силу, пока не почувствовал, что живот вот-вот лопнет.

— Наелся? — спросил Цзян Янь.

— Да, — Су Сяоюй отложил палочки и улыбнулся. Он давно не был так сыт, живот даже заметно округлился.

— Съешь пирожное, — негромко сказал Цзян Янь и пододвинул десерт к нему.

В голове вдруг всплыла картинка: миловидный парень ест пирожное, весь перепачкавшись в креме, дурачится, смеется, а потом Цзян Янь обнимает его, и они целуются, чувствуя вкус сладости. В зимнем солнечном свете это казалось невероятно теплым воспоминанием.

Цзян Янь улыбнулся, и в его глазах появилась редкая нежность.

— Пирожное? — неуверенно спросил Су Сяоюй, глядя на десерт во все глаза.

— Да, ешь, — Цзян Янь воткнул в пирожное ложечку и пододвинул его ближе, с плохо скрываемым ожиданием глядя на парня.

— Я… я больше не могу, — виновато пробормотал Су Сяоюй.

— Не можешь? — лицо Цзян Яня мгновенно окаменело. — Обязательно съешь, — ледяным тоном добавил он.

Су Сяоюй не понимал, что особенного в этом пирожном, но в обычное время он бы не посмел ослушаться. Однако сейчас он был сыт до предела.

— Я правда не могу, — взмолился он, но Цзян Янь не смягчился. Напротив, он процедил сквозь зубы:

— Ли Цзинкун разве не дал тебе денег? Разве брать деньги за работу не в порядке вещей? Или тебе мало? Давай так: съешь это пирожное, и я дам тебе денег. Называй свою цену.

— Я не буду, — Су Сяоюй закусил губу, его глаза наполнились слезами, но он упрямо смотрел в стол.

— Я сказал, ешь, черт возьми! — взревел Цзян Янь и грубо схватил его за лицо.

От боли Су Сяоюй поморщился, но не уступил. Цзян Янь, разъяренный до предела, выпустил его лицо и ткнул пирожным прямо ему в рот.

— Ешь!

Су Сяоюй плотно сжал губы и отвернулся. Крем размазался по его лицу, одежде. Цзян Янь с презрительным смешком отбросил коробку и начал вытирать руки салфеткой.

Су Сяоюй сидел в слезах, весь перепачканный, с прилипшими к лицу волосами.

— Ты совсем не стараешься, — с отвращением бросил Цзян Янь и, забрав альбом, ушел наверх.

12. Рисунок

Су Сяоюй смотрел на пятна крема на своей одежде, чувствуя липкость на лице и шее. Он знал, что выглядит жалко. Вытерев остатки крема салфетками, он с горечью подумал, что с момента встречи с Цзян Янем его самоуважение постоянно топчут. Цзян Янь никогда не уважал его и не собирался.

Впрочем, а за что ему его уважать? Он не какой-то выдающийся человек, а просто тот, кто за деньги готов на всё.

Сегодня он ослушался — Цзян Янь, должно быть, в ярости. Су Сяоюй горько усмехнулся и вытер слезы.

***

На третьем этаже, в мастерской, Цзян Янь в ярости листал альбом. Холод пола не остужал его пыл. Какой-то бродяга, решивший имитировать Су Ланя, еще и смеет перечить после получения денег! Если дать ему волю, он скоро на голову сядет. И Ли Цзинкун — что он себе думает, угрожая расторжением контракта, лишь бы оставить этого Су Сяоюя на три месяца?

От этих мыслей Цзян Янь пришел в еще большее бешенство и швырнул альбом в стену. Раздался грохот падающего мольберта. Цзян Янь вскочил и бросился к нему, но было поздно: опрокинутая краска залила рисунок, превратив лицо на портрете в нелепое пятно.

Он поднял рисунок и вгляделся в него. Лицо было испорчено, но он помнил каждую черту. В этой комнате было полно таких рисунков — все они изображали одного и того же человека.

Цзян Янь с детства был избалован, но это не испортило его, а сделало лишь увереннее. В студенческие годы он был тем, кому никто не мог отказать. Его окружали люди, включая Су Ланя. Но Су Лань был особенным. От него веяло такой нежностью, что даже музыка, которую он играл, казалась мягче.

Цзян Янь гордился тем, что такой человек, как Су Лань, полюбил его. Он писал для него музыку, рисовал, устраивал грандиозные фейерверки на день рождения. Та ночь, когда небо озарилось невообразимой красотой, стала легендой, о которой даже писали в книгах. Цзян Янь хранил эти книги как память.

Но из-за него же Су Лань и погиб. Те, кто хотел шантажировать семью Цзян, не смогли добраться до него и ударили по Су Ланю. Когда он приехал на место, все было охвачено огнем, а от Су Ланя остался лишь обгоревший труп с кольцом, которое придумал сам Цзян Янь.

Цзян Янь смотрел на рисунок, и по нему скатилась слеза, размывая краски еще сильнее.

13. Кто разрешил тебе подняться на третий этаж?

Су Сяоюй сидел на кровати, глядя, как темнеет небо. Он не выходил из комнаты с самого утра. Желудок начало сводить от голода. Чтобы лишний раз не раздражать Цзян Яня, он решил поискать еды, а заодно спросить, не хочет ли тот поесть.

В доме было темно. Су Сяоюй включил свет — в столовой все оставалось как прежде, даже пятна крема на столе. Видимо, Цзян Янь тоже не ел.

Он поднялся на третий этаж, где в коридоре горел свет. Постучав в четвертую дверь, он услышал, как открылась третья.

— Что ты здесь делаешь? — перед ним стоял Цзян Янь с красными от слез глазами.

— Можно мне воспользоваться кухней? — робко спросил Су Сяоюй.

— Кто разрешил тебе подняться на третий этаж? — ледяным тоном спросил Цзян Янь.

— Я…

— Проваливай вниз! — рявкнул он и захлопнул дверь.

Я не знал, что сюда нельзя, — прошептал Су Сяоюй. — Я хотел спросить, можно ли воспользоваться кухней. Хотел спросить, не хочешь ли ты поесть. Но ты не дал мне сказать.

Он вернулся в комнату, забыв о голоде, и лег в постель. Он вспомнил дедушку. Как бы бедно они ни жили, им было хорошо вместе. Дедушка всегда ждал его с работы, несмотря ни на что.

Его желудок болел все сильнее. Три работы, нерегулярное питание, алкоголь в баре, где он не мог отказать клиентам ради лишней копейки… Может, он умрет молодым? Су Сяоюй не знал, когда это случится.

Завибрировал телефон. Звонил Ли Цзинкун.

— Алло?

— Су Сяоюй? — послышался голос мужчины.

— Да, что-то случилось?

— Ты уже у Цзян Яня? Он тебя не обижает?

Су Сяоюй вспомнил утреннюю сцену, крем на лице, холодный взгляд Цзян Яня. Он не смог вымолвить ни слова.

— Он ведет себя плохо? — голос Ли Цзинкуна стал серьезным.

— Нет, — поспешно ответил Су Сяоюй. — Он даже купил мне одежду.

— О, правда? — тон Ли Цзинкуна стал мягче.

http://bllate.org/book/23100/2471663